

УДК 002.2(091)(438)
ББК 76.103(4Пол)

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ КНИГА КАК ФЕНОМЕН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ¹

© Д. В. Карнаухов, 2013

*Новосибирский государственный педагогический университет
630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28*

Рассматривается проблема эволюции польской исторической книги позднего Средневековья и эпохи Возрождения. Автор исследует рукописные и старопечатные книги наиболее известных польских историков – Яна Длугоша, Матвея Меховия, Мартина Кромера, Марчина и Иоахима Бельского, Мачея Стрыйковского – написанные в это время на латинском и польском языках.

Ключевые слова: Польша, эпоха Возрождения, историческая книга, интеллектуальная культура, польский язык, латынь, историография, хроника.

The article is dedicated to the problem of evolution of Polish history book in the late Middle Ages and Renaissance. The author studied manuscripts and old-printed books of most famous Polish historians – Jan Długosz, Mathias Mechovius, Martin Kromer, Marcin and Joachim Bielski, Maciej Strykowski, Alexander Guagnini – written at the time in Latin and Polish.

Key words: Poland, the Renaissance, history book, intellectual culture, Polish, Latin, historiography, chronicles.

Историческая книга являлась мощным инструментом формирования культурного и политического самосознания европейских просвещенных элит на рубеже Средневековья и Нового времени, поскольку именно через описание истории передавался бесценный цивилизационный опыт античности, обосновывалось право на власть правящих династий, подчеркивалась роль церкви, а также решались многие другие важные вопросы.

Понять значение исторической книги для интеллектуальной культуры Старого Света можно анализируя видоизменение формы и содержания исторических произведений в эпоху Возрождения, которая сыграла ключевую роль в формировании культурной идентичности европейцев.

Общей тенденцией в развитии европейской историографии в это время становится постепенный отказ историков от концепции провиденциализма. На смену жестко детерминированной религиозными догмами «божественной истории», по выражению польского исследователя Х. Д. Войтыски, приходит «горизонтальная, динамичная, человеческая интерпретация исторических событий», что, помимо прочего, нашло выражение в критическом отношении к библейскому историографическому канону [1, с. 39].

Хотя Св. Писание в это время и не было отвергнуто в качестве ключевого исторического ис-

точника, тем не менее его постулаты нередко подвергались критике. Кроме того, наряду с библейскими текстами при создании исторических трудов все чаще использовались сочинения авторитетных античных авторов.

Характерная черта интеллектуальной культуры эпохи Возрождения – двуязычность. Наряду с латинским языком, господствующим в эпоху Средневековья и обновленным авторами XV и XVI в. в соответствии со стандартами «золотой», классической латыни античности, все большую роль в различных сферах общественной жизни начинают играть национальные языки народов Европы. Эти тенденции затронули литературное творчество, драматургию, публицистику, образование и науку, а также историографию.

Большая часть исторических сочинений в эпоху Возрождения создавалась на латыни. По выражению Б. Отвиновской, этот язык выполнял функции «соединения народов и времен, их научных и литературных традиций» [2, с. 180]. Именно на латыни велось обучение в европейских университетах, а также, благодаря интенсивному развитию книгопечатания, получили широкое распространение «эталонные» труды выдающихся писателей древности и средневековья – Геродота, Птолемея, Плиния, Ливия, Тацита, Страбона, Иордана, Павла Диакона и многих др.

¹ Статья подготовлена в рамках реализации программы стратегического развития ФГБОУ ВПО НГПУ на 2012–2016 гг.

Особенности культурной роли латинского языка послужили основанием для ряда исследователей охарактеризовать его в качестве важнейшего «инструмента общественной коммуникации, используемого элитами» [3, с. 8].

Латинский язык делал исторические произведения доступными интеллектуалам разных стран, вне зависимости от их национальной принадлежности. Тем самым шел активный обмен опытом между историками, представлявшими национальные школы, и в разных странах Европы историческое знание развивалось в рамках общих тенденций.

В свою очередь национальные языки в условиях столь очевидной «элитарной» ориентированности латыни выполняли совершенно иные задачи. В научной литературе широко распространено мнение о существовании в эпоху Возрождения антагонизма между «мертвой» латынью и «живыми» языками современных народов Европы. Мнение основано на акцентировании негативной роли «стилизации» неолатинских текстов Ренессанса, их «подгонки» под образцы классической латыни.

Сторонники теории антагонизма пришли к выводу, что неолатинская традиция по определению не могла отразить в полной мере особенностей современной жизни [2, с. 122–123]. Едва ли эти аргументы в полной мере применимы к ренессансной исторической литературе, описывавшей прошлое, и творчеству историков Ренессанса, использовавших сочинения выдающихся писателей античной эпохи в качестве источников при создании своих трудов.

Отметим очевидную неспособность национальных языков составить достойную конкуренцию латыни, что не только делало неизбежным двуязычие, но также было причиной более медленного развития сегмента исторической литературы, создававшейся на национальном языке, по сравнению с латиноязычными сочинениями аналогичной тематики.

Тогда как для узкого круга интеллектуалов, профессионально занимавшихся историографией, выбор латыни полностью оправдывал себя, совершенно иным было отношение широких слоев населения, стремившихся расширить представления об истории своей страны и цивилизационном развитии всего человечества. Именно созданный ими спрос на доступную для понимания историческую литературу, поддерживавшийся стремительным в условиях бурно развивавшегося книгопечатания удешевлением книги как источника информации, стимулировал появление исторических сочинений и публикации книг исторической тематики на национальных языках народов Европы.

Каждая отдельно взятая национальная традиция по-своему специфицировала латинскую исто-

риографию. Особенным было, прежде всего, содержание исторических произведений. При сохранении ориентации на единые интеллектуальные стандарты историографической деятельности авторы, представлявшие конкретные страны, стремились уделить больше внимания освещению национальной и региональной истории.

Польские историки лишь к началу XVI в. в полной мере восприняли ценности гуманистической интеллектуальной культуры, т. е. несколько позже своих итальянских, немецких и французских коллег. На протяжении нескольких столетий развития латинской историографии в Польше средневековые методы описания прошлого сосуществовали с новыми подходами. В значительной степени отказ от изживших себя методов стал следствием критики и крайне нелестных для поляков оценок устаревших концепций истории Польши со стороны ведущих европейских интеллектуалов XV в., в числе которых итальянские гуманисты Эней Сильвий Пикколomini и Флавио Биондо.

Исторические произведения на латинском языке в XV–XVI вв. в Польше написаны Яном Длугошем, Матвеем Меховием, Бернардом Ваповским, Мартином Кромером и др. Допустимо также отнести к этой традиции и некоторых натурализовавшихся в Польше иностранцев, в трудах которых нашли отражение вопросы польской истории, например, уроженца Эльзаса Иодокуса Людовика Деция и итальянца Александра Гваньини.

Наибольший вклад в развитие польской латиноязычной историографии внес Ян Длугош (Jan Długosz, 1415–1480 гг.). Большинство современных исследователей не склонны причислять его к ренессансным историкам по причине ориентации на средневековую манеру изложения материала и игнорирования гуманистических подходов к объяснению прошлого [4, с. 75]. Тем не менее именно труд Длугоша «Польская история» (лат. *Historia polonica*, название по первому печатному изданию 1615 г.) послужил основой развития польской гуманистической историографии. Этому автору удалось создать универсальное историческое произведение, связавшее две эпохи в развитии исторической мысли своей страны – Средневековье и Ренессанс, обобщить накопившийся к тому времени опыт развития знаний о прошлом и дополнить его собственными представлениями.

Труд Длугоша содержал описание преимущественно польской истории «от сотворения мира» до середины XV в. и был разделен на 12 книг, каждая из которых посвящалась определенному периоду. Исключением является лишь 1-я книга, представляющая собой историко-географический очерк, включающий описание древнейшей истории человечества, концепцию происхождения славянских народов, а также подробную характери-

стику ареала их расселения. В 1-й книге Длугош не ограничивается описанием территории одной только Польши, а уделяет внимание также русским и литовским землям, которые в современную ему эпоху были либо включены в состав польского государства, либо находились под политическим контролем польской короны.

Судьба «Польской истории» Длугоша оказалась крайне непростой. Несмотря на огромную информационную ценность и позитивные отзывы современников, широкий доступ к этому сочинению долгое время был ограничен. Изначально созданная в рукописной форме хроника так и не была опубликована, хотя уровень развития книгопечатания в Польше позволял это сделать уже в начале XVI в.

Более того, первая же попытка издания труда Длугоша, предпринятая в 1615 г. в провинциальном городке Добромиль, оказалась неудачной – тираж изданных типографским способом первых шести книг анналов Длугоша арестовали, а публикацию остальных книг и вовсе запретили королевским постановлением. В результате, представленные в этом сочинении ценнейшие исторические материалы не были доступны широкой публике, и польскими историками XVI в. использовались лишь его немногочисленные списки.

Одним из первых плодов историографической деятельности Длугоша смог воспользоваться Матвей Меховий (Matia de Mechow, 1457–1523 гг.). Вклад Меховия в развитие историографии состоял в написании двух сочинений – историко-географического «Трактата о двух Сарматиях» (Tractatus de duabus Sarmatiis, 1517г.) и «Польской хроники» (Chronica Polonorum, 1519/1521 г.). Обе эти работы были опубликованы, благодаря чему получили широкую известность не только в Польше, но и в других странах Европы.

«Трактат о двух Сарматиях» написан Меховием с целью ознакомления просвещенной публики европейских стран с прежде малоизвестными землями Восточной Европы. Важно отметить, что в это время, знаменовавшееся открытием американского континента и началом активной колонизации Азии и Африки, интеллектуалы Старого Света испытывали огромный интерес к любым компетентным реляциям, позволявшим получить представление о географии и истории отдаленных регионов.

Меховию удалось удовлетворить эти потребности лишь частично. Трактат был написан в спешке, содержал множество ошибок и противоречивых умозаключений, поскольку его автор далеко не всегда заботился о верификации излагаемого материала. Источниками «Трактата о двух Сарматиях» стали анналы Длугоша, труды античных писателей, свидетельства современников – купцов и дипломатов, совершавших путешествия по зем-

лям Восточной Европы, а также пленных, захваченных в войнах с Московским государством и татарами.

Принципиальное отличие Меховия от Длугоша и прочих средневековых авторов заключается в том, что при написании своего труда он занял позицию критического наблюдателя. Первая краковская публикация «Трактата о двух Сарматиях» 1517 г. представляла собой небольшую брошюру объемом в 67 страниц, изданную в формате четверть-фолио. Текст сочинения был разделен на книги, трактаты и главы (капитулы).

Первая книга включала описание азиатской части Сарматии, а также этногенетические гипотезы автора и состояла из 3-х трактатов. В 1-м и 3-м уделяется особое внимание татарскому народу – его происхождению, истории завоеваний европейских стран и отношений государственных образований татар с христианскими государствами, а также их религии и культуре. Меховий первым из европейских авторов дифференцирует татарский суперэтнос и дает характеристику племенам перекопских, казанских и ногайских татар. Он указывает на этническое родство татар и турков и в связи с этим кратко описывает историю могущественной Турецкой империи.

Во 2-м трактате 1-й книги содержится очерк истории народов некогда населявших Сарматии – готов, аланов, вандалов, севов, а также предпринята попытка объяснить происхождения славян (главным образом чехов и поляков). Для изучения данного вопроса автором «Трактата о двух Сарматиях» привлечены труды Иосифа Флавия, Птолемея, Плиния, Светония и Тацита, реляции которых польский ученый дополнил собственными умозаключениями.

Именно 2-й трактат сочинения более всего уязвим для критики, поскольку Меховию не удалось рассмотреть происхождения славян концептуально, т. е. последовательно изложить и систематизировать имевшиеся в его распоряжении свидетельства древних писателей. В результате, вместо цельной картины ранней этнической истории региона здесь мы обнаруживаем мало связанные друг с другом суждения и догадки, способные запутать даже искушенного читателя.

Вторая книга состоит из 2-х трактатов и содержит сведения о географическом положении и истории земель европейской Сарматии, к которой помимо Польши отнесены Русь, Литва, Московия, а также земли, «захваченные князем московским» (ducem Moskovie subiugatis) – Скифия, Пермь, Башкирия, Югра и Карелия. В отличие от 1-й книги, здесь сведения по географии региона преобладают над историческими экскурсами.

Исторически Русь соотносится Меховием с ареалом древней Роксолании (Russia, olim Roxolania),

известной по сочинениям античных и средневековых писателей. Территория Руси ограничивается «рекой Танаис» (Дон), «Меотским озером» (Азовское море) и Крымом на востоке, Карпатами и Днестром на юге, польскими землями на западе и литовскими – на севере. Весьма подробно польский ученый описывает природные богатства Руси, а также особенности православного религиозного обряда.

Меховий практически не уделяет внимания в своем сочинении ранней истории восточнославянских земель – периоду существования Киевской Руси и суверенных русских княжеств, однако делает акцент на сюжете подчинения русских земель Литве князем Витовтом и его преемниками. Таким образом, политическая история европейской Сарматии в 1-м трактате 2-й книги представлена лишь как история взаимоотношений двух влиятельных государств – Литвы и Польши.

Второй трактат 2-й книги полностью посвящается «Московии». Исторического очерка здесь также нет. Акцент при описании владений московского князя сделан на обширности территорий, особенностях ландшафта и речной системы, разнообразии и этническом составе населения. Приведены также подробные описания городов, государственного устройства и военной организации московского государства.

«Трактат о двух Сарматиях» получил широкую известность в странах Европы благодаря многочисленным переизданиям, а также переводам на немецкий, итальянский, польский и голландский языки [5, с. 36]. Это сделало труд Меховия важнейшим и на долгое время единственным источником информации о восточных регионах Европы. Подобная безальтернативность во многом формировала культурно-исторический стереотип Сарматии, который на протяжении столетий сказывался на характере восприятия Польши и России общественным мнением стран Европы.

Что не менее важно, Меховию удалось не только проинформировать европейских интеллектуалов о положении этого региона, но и сделать это с выгодных его стране идеологических позиций: Польша и союзная ей Литва были представлены как очаг цивилизации на востоке Европы. Тем самым в глазах европейцев оправдывалось расширение их территории путем присоединения «варварских» земель, а также обосновывалась необходимость проведения войн с татарами и Московским государством.

«Польская хроника», второе латиноязычное историческое сочинение Меховия, с содержательной точки зрения не было оригинальным и представляло собой выборочную компиляцию анналов Длугоша. Тем не менее культурно-просветительское значение этого труда трудно переоценить, так как

«Польская хроника» стала первой печатной книгой, посвященной национальной истории Польши.

Важно отметить и то, что в данном сочинении Меховий применил ренессансные подходы к описанию прошлого. По мнению А. Джюбы, именно он первым из польских историков «скрупулезно следовал принципам научной историографии, <...> пошел дальше своих средневековых предшественников, критикуя в своей хронике часть цитируемых источников и обращаясь к собственному опыту и наблюдениям» [6, с. 196].

«Польская хроника» дважды публиковалась в Кракове в 1519 и 1521 гг., а в 1582 г. переиздана в Базеле в сборнике трудов польских историков «*Polonicae historiae corpus*». Первое краковское издание подверглось цензурному запрету, и его тираж был конфискован. Второе издание 1521 г. отличалось от первого незначительными изменениями в заключительных главах, посвященных эпохе правления королей Яна Ольбрахта и Александра. Публикация хроники представляла собой солидный фолиант общим объемом в 392 страницы и содержала гравюры с изображениями польских королей. Текст сочинения разделен автором на четыре книги, каждая из которых, в свою очередь, подразделялась на главы.

Первая книга «Польской хроники» посвящена древнейшему периоду польской истории. Здесь Меховий представляет эпонимическую легенду о взаимоотношениях прародителей славянских народов Леха и Чеха, пересказывает позаимствованную у средневековых польских историков мифологическую версию возникновения династии Пястов, описывает правление польских языческих князей, а также уделяет внимание истории соседних народов и их взаимоотношениям с поляками. Представлено описание географии Польши и сопредельных стран. Некоторые сведения, касающиеся ранней этнокультурной истории региона, приводятся со ссылкой на мнения авторитетных ученых писателей древности и современной Меховию эпохи – Птолемея, Светония, Евтропия, Флавия Вописка, Павла Диакона, Исидора, Блонда и др.

Вторая книга охватывает период от эпохи правления первого польского христианского князя Мешко до года смерти короля Болеслава II в 1139 г. Здесь очевидно использование хроники Длугоша. Заимствование проявляется в том числе на уровне структуры текста хроники – 2-я книга сочинения Меховия заканчивается описанием тех же самых событий, что и 4-я книга в анналах Длугоша.

Третья книга также является выборочной компиляцией сочинения Длугоша (строго соответствует 5, 6 и 7 книгам его анналов). Освещается период с 1140 по 1294 гг. Четвертая книга занимает почти половину хроники. Она посвящена истории Польши в XIV и XV вв. Лишь заключительные

главы (с 69 по 85) 4-й книги, в которых описаны события последних трех десятилетий XV в. и первых лет XVI в. (до 1506 г.), – результатам самостоятельной работы Меховия с источниками, поскольку этот период не был описан в анналах Длугоша.

Одновременно с «Польской хроникой» Меховия в 1521 г. в Кракове опубликовано еще одно латиноязычное описание польской истории, автором которого был секретарь польского короля Сигизмунда I – Иодокус Людовик Деций (Jodocus Ludovicus Decius, Dietz, 1485–1545 гг.).

Хроника Деция, в отличие от труда Меховия, представляла собой краткое сочинение (в формате фолио она насчитывала лишь 119 страниц) и состояла из трех книг, каждая из которых имела свой титул и была посвящена описанию определенного периода польской истории (общего названия хроника не имела). Обращают на себя внимание литературные достоинства сочинения Деция – оно написано на превосходной гуманистической латыни и стилем изложения в выгодную сторону отличалось от трудов польских историков.

Первая книга «О древностях поляков» (*De vetustatibus Polonorum*) описывала польскую историю с древнейших времен до момента прихода к власти ягеллонской династии. Изложенные здесь исторические сведения не отличаются содержательной новизной, однако интерпретации автора заслуживают внимания, поскольку дают возможность выявить особенности восприятия польской истории с позиции внешнего наблюдателя. Наиболее интересны в этой связи самые первые разделы «*De vetustatibus Polonorum*», в которых Деций описывает раннюю этническую историю славян, дополняя тем самым этногенетические концепции Длугоша и Меховия собственной гипотезой, учитывающей достижения ренессансной исторической мысли Германии.

Во второй книге «О династии Ягеллонов» (*De Jagellonum familia*) Деций на основе имевшихся в его распоряжении польских хроник кратко описывает правление первых королей ягеллонской династии – Владислава, Казимира, Яна Ольбрахта и Александра. Третья книга «О временах правления Сигизмунда» (*De Sigismundi regis temporibus*) посвящена характеристике современной Децию ситуации в Польше (до 1516 г.). Здесь польский король, на службе у которого состоял автор, представлен как образец идеального ренессансного монарха.

Появление первых печатных латинских исторических книг в Польше значительно усилило роль историографии в сфере государственной политики и пропаганды. Несмотря на то, что первые польские исторические сочинения написаны пусть и при поддержке властей, но тем не менее по част-

ной инициативе, высшие государственные деятели Польского королевства постепенно пришли к выводу о необходимости создания «официальной» концепции национальной истории. Для реализации этого замысла в 1522 г. учреждена должность королевского историографа, которую занял один из самых авторитетных польских ученых того времени Бернард Ваповский (Bernard Wapowski, Vapovius, 1450–1535 гг.).

Историческая хроника написана Б. Ваповским по заказу властей. Работа над ней закончена к 1535 г., однако внезапная смерть автора помешала осуществить публикацию. Еще в XVI в. часть рукописи этого произведения, посвященная доягеллонскому периоду польской истории, исчезла при загадочных обстоятельствах. До наших дней сохранилась лишь заключительная часть этого сочинения (описание ягеллонской эпохи).

Хроника Б. Ваповского написана в гуманистическом духе, в лучших традициях ренессансной риторической историографии. Однако «заказной» характер этого сочинения значительно снижает его научную ценность. Ваповский восхваляет политику польских королей, находясь под влиянием идеологических концепций того времени. В его оценках нет объективности, интерпретация историческим событиям дана односторонне, исключительно с «патриотической» точки зрения. Эта конъюнктурная концепция польской истории стала одним из первых образов прямого обоснования с помощью исторических примеров актуальных политических задач, положила начало созданию в Польше национальной исторической мифологии.

С середины XVI столетия латинская историография утрачивает монопольное положение в Польше, поскольку начинается активное развитие польскоязычной историографии.

В условиях обострившейся конкуренции с историческими публикациями на польском языке латиноязычная историография выгодно отличалась своим более высоким интеллектуальным уровнем изложения материала и техническим совершенством в написании исторических произведений. Вместе с тем появление польскоязычных исторических трудов во многом трансформировало латиноязычную историографию, заставило польских историков, писавших на латыни, обратиться к поиску новой интеллектуальной ниши и специфицировать читательскую аудиторию своих произведений.

С этой задачей блестяще справился выдающийся польский историк Мартин Кромер (Martin Cromer; 1512–1589 гг.), которому удалось создать исторический труд полностью соответствующий европейским стандартам гуманистической историографии и тем самым поддержать престиж польской исторической школы за рубежом.

Главным достижением Кромера в области историографии было написание хроники «О происхождении и деяниях поляков в тридцати книгах» (*De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX*). Этот труд, впервые опубликованный в Базеле в 1555 г., впоследствии трижды корректировался автором и переиздавался (в 1558, 1568, 1589 гг.). Хроника Кромера переведена на немецкий (1562 г.) и польский (1611 г.) языки.

Интерес к этому произведению был велик настолько, что широкое распространение получили составленные на его основе сокращенные описания польской истории, среди которых выделяются латиноязычный компендиум Яна Хербурга (*Chronica sive Historiae Polonicae*, 1571 г.) и польскоязычное сочинение Павла Демитровича (*Compendium abo Krotkie opisanie z Kroniki Marcina Kromera*, 1625 г.).

Труд Кромера представлял собой солидное по объему произведение – первое издание в формате фолио насчитывало более 700 страниц. Текст сочинения был разделен на 30 книг. Первой книге предшествовал список историков, труды которых цитирует автор (*autores in hoc opere citati*), что было совершенно новым явлением для польской исторической литературы того времени. Список первой редакции трактата включал 50 имен и 2 неперсонализированных источника («русские» и «литовские» анналы), тогда как в редакции 1589 г. фигурировали уже 58 источников.

Примечательно, что наряду с иностранными авторами разного времени Кромер упомянул лишь тех польских историков, которые писали по латыни, в том числе «монаха Галла» (ныне известен как Галл Аноним – автор первой польской средневековой хроники), «польского анонима» (*Anonymus Polonus* – неизвестный автор так называемой великопольской хроники конца XIII в.), Винцентия Кадлубка (автор исторической хроники, созданной на рубеже XII и XIII вв.), а также представленных нами выше Длугоша, Деция, Меховия и Ваповского. При этом была проигнорирована польскоязычная хроника М. Бельского, а также зарубежные источники, опубликованные на национальных языках.

Структура сочинения Кромера оставалась неизменной во всех четырех редакциях. Корректировались лишь отдельные разделы, причем чаще всего – первая книга, в которой автор, подобно своим предшественникам, предпринимает попытку решить вопрос происхождения народов Восточной Европы и описывает их взаимоотношения на ранних стадиях этногенеза. В последующих книгах изменения были не столь значительны. В них на основе трудов польских историков, последовательно излагалась история Польши, а также Руси, Литвы, Венгрии и Пруссии (во фрагментах, по-

священных международным отношениям). Хроника дополнена отдельным сочинением – описанием современной Кромеру эпохи, созданным еще в 1548 г., где излагалась история правления Сигизмунда I в форме «речи» на похоронах этого монарха (*Oratio in funere ... Sigismundi*).

Сочинение Кромера получило самые позитивные отзывы в Польше и европейских странах. Автор был удостоен похвалы со стороны польского Сената, выдающиеся ученые того времени как в личной переписке с ним, так и в своих произведениях подчеркивали достоинства стиля и содержания его трактата, который на многие десятилетия стал образцом латинской научной литературы, а также способствовал популяризации истории Польши за рубежом [4, с. 92–102].

Одной из причин усиления интереса европейцев к истории Польши во второй половине XVI в. стал рост могущества польского государства и его влияния на международной арене, чему в немалой степени способствовали успехи польской короны в Ливонской войне и создание Речи Посполитой – огромного по европейским меркам государства, объединившего польские и литовские земли. В связи с этим возросла потребность в новых ученых трудах, описывающих историю и современное состояние не только Польши, но и других стран на востоке европейского континента, способных заменить уже изрядно устаревшие сочинения первой половины XVI столетия, к которым относился «Трактат о двух Сарматиях» Меховия.

Автором сочинения, удовлетворившего такого рода потребности, стал натурализовавшийся в Польше итальянец Александр Гваньини (*Alexander Gваньини*; 1534–1614). В составе польской армии принял участие в Ливонской войне и в течение 18 лет командовал гарнизоном приграничной витебской крепости. Эти обстоятельства позволили Гваньини не только получить представление о польско-литовском государстве, но и собрать немало ценных сведений о Руси, Московии, Пруссии и других восточноевропейских землях.

В 1578 г. в Кракове Гваньини опубликовал ученый трактат «Описание Европейской Сарматии» (*Sarmatiae Europaeae Descriptio*). Впоследствии трактат неоднократно переиздавался, а также (полностью или частично) был переведен на немецкий, итальянский, польский и чешский языки. Авторские права на это произведение оспаривались польским историком Мачеем Стрыйковским (*Maciej Strzykowski*), который также служил в Витебске и был подчиненным Гваньини. Стрыйковский обвинял своего командира в краже принадлежавшей ему рукописи «Описания Европейской Сарматии», однако факт плагиата не был достоверно доказан, в связи с чем проблема авторства этого сочинения и по сей день вызывает споры исследователей.

Трактат Гваньини был небольшим по объему произведением (первое издание в формате фолио насчитывало около 200 страниц), но при этом имел сложную структуру: состоял из этногеографического описания древней Сарматии, компендиума польской хроники с несколькими приложениями, географического описания польских земель, описания истории и географического положения Литвы, описания провинций Пруссии и Ливонии, а также описания земель, принадлежавших Москве и Татарии.

В разделах, посвященных Польше и Литве, содержались исторические очерки в виде жизнеописаний королей и князей. Прочие регионы представлены лишь в их современном состоянии – автор трактата описывает города, местности, природные условия, этнический состав населения, а также политическое устройство. Гваньини уделяет особое внимание Пруссии, Ливонии и Московии, поскольку эти страны оказались в сфере интересов Речи Посполитой в ходе Ливонской войны – либо были включены в ее состав, либо представляли интерес как неприятели.

При описании Московского государства Гваньини подробно характеризует эпоху правления Ивана Грозного, обобщает свидетельства очевидцев о жестоких нравах царя. В значительной степени благодаря именно этому сочинению в общественном сознании европейцев закрепился характерный стереотип Московии и ее политической системы, способствовавший формированию в целом негативного восприятия российской государственности в странах Запада.

Исторические книги, издававшиеся в эпоху Возрождения на польском языке, мы можем условно разделить на две основные группы – публикации переводов латиноязычных исторических сочинений и оригинальные исторические труды, изначально создававшиеся на национальном языке.

Практика переводов исторических сочинений с латыни на польский язык не получила широкого распространения. Лишь два латиноязычных произведения польских историков XVI в. были опубликованы в переводе на польский язык – сочинения Меховия, Кромера и Гвагнини.

Автором польского перевода «Трактата о двух Сарматиях» Меховия, опубликованного в Кракове трижды – в 1535, 1541 и 1545 гг., – был Анжей Глябр из Кобылина (Andrzej Głabr z Kobyłina) [5, с. 34–36]. Следует также упомянуть о попытке перевести на польский язык «Польскую хронику» Меховия (*Chronica Polonorum*, 1521), предпринятую Станиславом Хвальчевским. Однако перевод Хвальчевского был сделан лишь с отдельных фрагментов хроники и при жизни переводчика не был опубликован [7]. Хроника Кромера была переведена на польский язык Марчином Блажовскими

(Marcin Błażowski) и опубликована в краковской типографии Миколая Лёба в 1611 г. под титулом «О достижениях, истории и всех прочих польских королевских делах» (*O sprawach, dziejach y wszystkich inszych potocznościach koronnych polskich*).

Особого внимания исследователей заслуживает публикация в 1611 г. М. Лёбом под титулом «Хроника Европейской Сарматии» (*Kronika Sarmacye Europejskiej*) польскоязычной редакции первоначально опубликованного на латыни сочинения Гваньини. На титульном листе использовавшегося нами экземпляра из собрания «Кабинета старопечатных книг» Библиотеки Варшавского университета (*Gabinet Starych Druków Biblioteki Uniwersytetu Warszawskiego*) содержится указание на то, что данное сочинение было в 1578 г. издано автором на латыни, а в состав польскоязычного издания включены новые разделы, которых в латинской редакции этого труда не было. Таким образом, польская редакция «Хроники Европейской Сарматии» была значительно полнее латинской и лишь частично может быть признана переводом, а большей частью – пространной компиляцией, включавшей наряду с материалами латинской редакции труда Гваньини, фрагменты польскоязычных сочинений Мачея Стрыйковского, а также Марчина и Иоахима Бельских [8, с. 19–20].

Что любопытно, на титульном листе экземпляра из университетского собрания вовсе не упоминается автор перевода сочинения Гваньини на польский язык Марчин Пашковский (Marcin Paszkowski). Можем признать это дефектом титульного листа, на который в свое время обратил внимание польский библиограф К. Эстрайхер, сравнивший несколько сохранившихся до наших дней экземпляров краковского издания хроники Гваньини, титульный лист которых содержал указание на то, что она была «переложена» Пашковским с латинского на польский язык «стараниями автора» (*przez Marcina Paszkowskiego za staraniem Autorowym z Łacińskiego na Polskie przelożona*) [9, с. 481].

Первым оригинальным (непереводным) польскоязычным историческим трудом, удостоенным публикации, стала «Хроника всего света» Марчина Бельского, которая издавалась трижды – в 1551, 1554 и 1564 гг. Структура и содержание «Хроники всего света» изменялись автором от издания к изданию.

В первом издании формально не выделялись книги или главы – материал был разделен по хронологическому либо территориально-географическому принципу, а также специфицировался тематическими заголовками и выносными глоссами. Вводная часть хроники включала «Космографию», далее следовал «Очерк всемирной истории», а также самостоятельные хроники Венгрии, Чехии и Польши.

«Космография», «то есть разделение земли согласно степеням и иным знакам в небесных сферах», представляла собой описание трех «частей света» – Азии, Африки и Европы. Очерк «Истории мира» был разделен Бельским на шесть «веков» и четыре монархии в соответствии с широко распространенными в его время представлениями о цивилизационном развитии человечества и представлял собой совокупность выстроенных в хронологическом порядке характеристик ключевых событий из истории государств Востока и Запада в древности и Средневековье, христианства и магометанства, включал обзор истории папства, а также разные по объему рассказы, посвященные отдельным странам и населявшим их народам. В частности, Бельский уделил внимание французам, евреям, готам, вандалам, булгарам, итальянцам, немцам, испанцам, татарам и туркам. Венгерская и чешская хроники по объему значительно превосходили очерки истории вышеупомянутых народов, но уступали описанию польской истории, которое занимает почти половину текста первой редакции «Хроники всего света».

Текст второй редакции разделен Бельским на четыре книги, а те, в свою очередь, – на разделы. Первая книга состоит из 43 разделов и посвящена дохристианской эпохе. В ней описаны первые пять «веков» истории человечества. Вторая книга состоит из 20 разделов и включает очерки истории христианских и магометанских государств – от Древнего Рима до Османской империи. В состав третьей книги Бельский включил «Космографию» из вводного раздела первой редакции хроники, которая была дополнена описаниями венгерской, чешской и польской истории, а также некоторыми новыми главами.

В первых двух книгах текст первой редакции несколько дополнен, но в целом сохраняется ориентация на содержание первого издания. Совершенно новый материал мы находим лишь в четвертой книге, посвященной великим географическим открытиям – плаванию Христофора Колумба и другим первооткрывателям заморских территорий.

Третья редакция «Хроники всего света» по сравнению с первыми двумя редакциями значительно дополнена новым материалом, причем изменения осуществлялись как за счет добавления новых массивов информации, так и за счет переработки ранее написанных разделов. Число книг увеличено с четырех (во второй редакции) до десяти. Первые две книги были сохранены в неизменном виде. Большая часть материала была разделена на книги не по хронологическому, а по географическому принципу – отдельные книги посвящены истории Турции, Венгрии, Чехии, Польши, «московского или русского народа, согласно

описанию Зыгмунта Херберштына», а также Реформации.

В рамках отдельной книги излагался географический очерк – «Космография». В заключительную десятую книгу хроники были включены фрагменты различной тематики – рассказы «Об островах морских вновь открытых, которые могут быть названы Новым Светом», большая часть которых была перенесена из второго издания хроники, а также очерки «О евреях», «О рае», «Об аде» и «О воскрешении и судном дне».

Культурное значение публикации «Хроники всего света» состояло прежде всего в том, что именно через посредничество этой книги широкие круги просвещенной публики (не только Польского королевства, но и сопредельных с Польшей стран, в которых был широко распространен польский язык), имели возможность познакомиться с многовековым опытом цивилизационного развития человечества. Не случайно, что именно «Хроники всего света» становятся одним из первых исторических сочинений, переведенных на русский язык уже во второй половине XVI в. [10].

Наряду с Марчином Бельским польский язык для написания своего исторического сочинения использовал еще один выдающийся польский автор – Мачей Стрыйковский. Его главный исторический труд «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси» (*Kronika Polska, Litewska, Zmudska i wszystkich Rusi*) опубликован в 1582 г. в Крулевце (Кёнигсберге). Само название сочинения Стрыйковского указывает на стремление его автора отразить историю многонационального восточноевропейского региона, что в определенной степени контрастировало с господствующей в его время «полоноцентрической» тенденцией в развитии польской историографии.

Хроника Стрыйковского представляла собой солидный по объему труд (издан в формате фолио, насчитывал порядка 800 страниц) и была разделена автором на 25 книг, каждая из которых посвящена описанию конкретной этнополитической общности на том или ином этапе развития.

По сложившейся традиции, первая книга посвящена описанию древнейшей истории человечества – здесь представлены сведения о генеалогии потомков ветхозаветного Ноя, которым приписывалось основание собственных народов и государств. Сведения, позаимствованные из парабиблейских источников, Стрыйковский дополнил данными античных писателей и собственными выводами, основанными преимущественно на спекулятивном этимологизировании, поиске аналогий в названиях древних и современных народов и населенных ими местностей.

В последующих книгах сочинения Стрыйковского представлено описание соседей Польши по

региону – литовцев, восточных славян, пруссов, жмуди, лифляндцев и др. Больше всего внимания уделено Литве и Руси.

Очерк русской истории до момента поглощения русских княжеств Литвой занимает три книги хроники – 4-ю, 5-ю и, частично, 6-ю, – которые позволяют получить представление о начальной этнополитической истории русских земель и взаимоотношениях русских княжеств с Польшей и другими соседними государствами. Московскому государству отдельного раздела хроники не посвящено, информация о нем представлена в нескольких книгах, начиная с 21-й, в которых описывались события XV и XVI вв.

Следует отметить, что именно хроника Стрыйковского становится наиболее полным источником сведений об истории стран Восточной Европы. Наряду с «Хроникой всего света» М. Бельского она получила широкую известность в среде восточнославянских книжников, использовалась ими в качестве компендиума знаний в области истории взаимоотношений Польши с народами, вошедшими в состав многонациональной Речи Посполитой.

Труд Стрыйковского послужил одним из главных источников при создании польскоязычной «Польской хроники» Иоахима Бельского. Последняя была опубликована в 1597 г. и позиционировалась в качестве расширенной версии очерка истории Польши, включенного в состав «Хроники всего света» Марчина Бельского. «Польская хроника» представляла собой фолиант объемом 804 страницы и была разделена на шесть книг, которые в свою очередь состояли из глав, посвященных периоду правления тех или иных польских монархов. Изложение было доведено до эпохи правления польского короля Стефана Батория.

Предпринятый нами обзор развития польской исторической книги эпохи Возрождения позволяет сделать ряд выводов о значении этого элемента национальной интеллектуальной культуры.

С одной стороны, во многом благодаря латинскому языку и единым подходам к изучению прошлого, польская историческая книга приобрела популярность далеко за пределами Польши, став неотъемлемой частью общеевропейской историографии. Латынь позволяла польским интеллектуалам напрямую, без посредничества переводчиков, использовать в своей работе труды античных и средневековых авторов, а также выдающихся мыслителей современной им эпохи.

Кроме того, благодаря этому историографическая деятельность польских историков подвергалась строгой оценке и нередко заслуженно критиковалась зарубежными коллегами, что в немалой степени способствовало корректировке методологии изучения прошлого, самосовершенствованию

польских авторов, и служило стимулом для профессионального роста, повышения качества исторических сочинений и технического мастерства при их написании.

Латиноязычные исторические книги не только принесли пользу Польше, но также расширили представления европейцев о Восточной Европе. Благодаря таким знаниям именно в эпоху Возрождения, вследствие интенсификации информационного обмена, вызванного распространением книгопечатания, сложились ключевые устойчивые комплексы восприятия истории и культуры стран и народов этого региона. Польским интеллектуалам удалось блестяще воспользоваться возможностями этой информационной революции и представить европейскому читателю сведения о своей стране и ее отношениях с восточноевропейскими государствами и народами в выгодном свете.

С другой стороны, переводные и оригинальные исторические книги на польском языке позволили просвещенной публике ренессансной Польши, не владевшей латынью, получить представление об эволюции цивилизации в целом, соседних странах и народах, а также истории своего собственного народа на национальном языке, заложили фундамент польской учености, открыли путь для развития исторических знаний нового типа, востребованных в период бурного развития наук в последующие эпохи.

Литература

1. *Wojtyńska H. D.* Rola Odrodzenia i Reformacji w rozwoju koncepcji historii i jej metody // *Zeszyty Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego*. – 1979. – N 4. – S. 37–42.
2. *Otwinowska B.* Język, naród, kultura: Antecedencje i motywy renesansowej myśli o języku. – Wrocław e. a., 1974. – 288 s.
3. *Łacina jako język elit*. – Warszawa, 2004. – 516 s.
4. *Barycz H.* Szlakami dziejopisarstwa staropolskiego: *Studia nad historiografią w XVI–XVIII w.* – Wrocław, 1981. – 308 s.
5. *Карнаухов Д. В.* Публикации «Трактата о двух Сарматиях» Мачея Меховского и развитие научных знаний о восточноевропейских землях в эпоху Возрождения // *Вспомогательные исторические дисциплины : тез. докл. и сообщ. XIII науч. конф.*, Москва, 1–2 февр. 2001 г. – М. : РГГУ, 2001. – С. 34–36.
6. *Dziuba A.* Proza historyczno-naukowa Macieja z Miechowa (1457–1523) // *Łacińska proza naukowa*. – Gniezno, 2001. – S. 190–197.
7. *Kronika polska Stanisława Chwalczewskiego, starosty kobryńskiego, dziedzica raskowskiego, pisana 1549 roku [T. 2]*. – Warszawa, 1829. – 182 s.
8. *Карнаухов Д. В.* История русских земель в «Описании Европейской Сарматии» и «Хронике Европейской Сарматии» Александра Гваньини // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология*. – 2006. – Т. 5, вып. 1 (доп.). – С. 15–20.
9. *Estreicher K.* Bibliografia Polska. T. 17. – Kraków, 1899.

КНИГОВЕДЕНИЕ

---

10. Казакова Н. А. Полные списки русского перевода «Хроники всего света» Марциана Бельского // Архео-графический ежегодник за 1980 г. – М., 1981. – С. 92–96.

Материал поступил в редакцию 05.03.2013 г.

Сведения об авторе: *Карнаухов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения, тел.: (383) 244-03-90, e-mail: dvkarn@mail.ru*